

Евгений Окс

Мой друг Ильф. Одесса, 1919-1921 годы



Евгений Окс. 1930-е гг.

Один из одесских авторов, как всем известно, родился дважды. «В первый раз автор родился под видом Ильи Ильфа» в 1897 году. В «Двойной автобиографии» Ильфа и Петрова улица не указана, лишь год. Но есть подсказка. Как известно, первая половина «лазила через забор на кладбище, чтобы рвать сирень». Улица Старопортофранковская заканчивается у Первого христианского кладбища. Вернее, заканчивалась до середины 1930-х.

Как бы то ни было, именно в двухэтажном доме на Старопортофранковской, 137, родился Илья Файнзильберг, он же Илья Ильф.

Мы мало что знаем о детстве и юности Ильфа. Но все же есть воспоминания об одесской молодости.

Их автор – художник Евгений Окс, близкий друг И. Ильфа.

Алена Яворская

Мы познакомились в столовой университета.

Высокий, в длинном узком пальто. «Мое пальто называлось когда-то фасон «коммод».

За толстыми стеклами пенсне, ибо в то время, да и позже, он носил этот старинный оптический прибор, было трудно угадать выражение его глаз. Это требовало напряженного внимания. Улыбка едва касалась уголков рта. Едва скользила. Но что поражало – это чувство собственного достоинства. Достоинство и невозмутимость. Он нам казался англичанином. Быть может, лордом. Это сразу внушало уважение.

Первый разговор, первое знакомство, разговор, конечно, зашел об искусстве, сразу обозначилось сходство вкусов. Поразила его начитанность. Дружба завязалась сразу, через час, через два. Мы жили близко, встречались ежедневно, иногда по два раза в день.

«Вы можете звать меня Иля», – это было доверие, но «Вы» оставалось до конца. Так к нему обращались все, включая жену и близких друзей. Он сам как бы устанавливал границу близости, переступить ее не мог никто.

<...>

Книги в то тревожное время добывались с трудом, в библиотеках, у друзей, у случайных знакомых, увиденные случайно, под мышкой, мимоходом они выпрашивались, вымаливались на день, на два, иногда на одну ночь. Была книга «Денди и дендизм», ее давали буквально на три часа. Так же Стендаль, «Письма о любви». Поражали его суждения, необычайно меткие, свежие. Его мысли, их самостоятельность, оригинальность и полное отсутствие даже намека на банальность.

И кроме всего, и лучше всего замечательный юмор.

Если он видел нечто, заслуживающее осуждения, – подлость, злобу, унижение, – его слова были особенно метки и совершенно уничтожительны. О местных профессорах – «знаменитые лысины», о завсегдатаях прежних кафе – «пикейные жилеты».

По поводу одного юноши, теперь бы сказали, стилижного стиля, он сказал: «не приводите ко мне этого юношу, он плохой мальчик».

Он говорил: «Я хочу спать, хочу читать книжки, а они топают у меня над ушами, не дают спать. Понимаете, топают!». Это по поводу вооруженных банд, которые вырывались время от времени...

<...>

Ильф писал стихи, которые мы называли «произведениями оригинального ума». Он их называл «торгово-промышленной поэзией». Помню одну поэму, где были образы города, магазинов, закрытых шторами, там была некая фирма, не то Гарвест Компании, не то Катерпиллер. Написана была белыми стихами. Говорилось об обществе жатвенных машин. Была фраза «выньте лодочки рук из брюк». <...> Читал он прекрасно. С отчетливой дикцией и без всякого нажима. Позже в клубе поэтов эта поэзия была встречена восторженно, особенно молодежью.

<...>

Была одна полночь. Он меня провожал. Почти у самого дома на Торговой улице в полной темноте фонари не горели, что-то уперлось мне в грудь твердое, непонятно. Вспыхнул фонарь, ослепил глаза: «Кто такие? Документы!». У меня в кармане – просроченная отсрочка от воинского начальника. У Ильфа дела обстояли не лучше. <...> Стали убеждать, что мы студенты университета. Живем рядом. Вот наши дома. И, о чудо, белый патруль нас отпустил. Это называлось «понт». Розыгрыш, умение пустить пыль в глаза. Ах, какой чудесный «понт». Говорили – он «знаменитый понтовщик». О ком-то.

<...>

Жизнь сводилась к простым формулам, к экономике, к примитиву. Еда и топливо. И того, и другого было ужасающе мало. Летом были огурцы и помидоры, но хлеба почти не было. Наш друг Сема Гольдверг достал где-то куски гашиша или опиума. Это сбивало аппетит и давало сон. Все выдумывали небывалые сны. Ильф сказал: «А мне снились только море и волны прибоя, и так всю ночь»...

Он ненавидел всякую вычуру, красоту, ложную мишуру. Его врагом смертельным было мещанство, во всех его масках и облициях.

Муза Черного моря

(о поэтессе Аделине Адалис).

Между тем судьба приблизилась к той бурной полосе рифов, что грозила разбить вдребезги нашу столь дорогую мне дружбу, тем более что на рифах нас подстерегала Сирена. Сирена была поэтессой и в данный момент находилась в студенческой столовой. Естественно и то, что Сирена имела зеленые глаза и пепельно-голубые волосы. Это было существо враждебного и коварного пола. Пока что она поражала непонятным высказыванием своих мыслей вслух. Это создавало положения до крайности рискованные и, мягко говоря, бестактные. К этому было трудно привыкнуть. Мысль о недостатке воспитания была отброшена, когда позже стало известно о ее происхождении из семьи известного издателя большого научного труда. Илья говорил: «У Вас природное и уродливое отсутствие некоторых качеств». В самом деле, общепринятое как бы отвергалось заранее. Одному нашему знакомому она говорила: «Вы красивый и толстый». Такое соединение эпитетов ей безумно нравилось...

Она жила в маленькой комнате-коробочке. Там были кровать, столик и колченогий стул. Мы трое садились на кровать. Все трое курили, большею частью в пальто, так как было холодно. Беседы длились долго, до позднего часа. Потом мы двое шли пустынными улицами. Светила луна. Когда мы входили в тень деревьев или дома, нервы были напряжены, можно было встретить патруль, а может быть, и еще похуже. Помню длинную тень Ильи в кепке, надвинутой до ушей. Шаги гулко отдавались от старинных плит тротуаров.

<...>

Пока же нас всех объединяла великая страсть к кино. Шел фильм во многих сериях «Парижские тайны». Мы садились в первых рядах среди одесских мальчишек-«папиросников». Это была публика восторженная и благодарная. Она так вживалась в экран, что предупреждала героиню о приближении злодеев: «Бетина, тикай!». Или напоминали: «Эй, гитару забыл». Весь фильм состоял из непрерывной погони, похищений

и освобождений. Изредка появлялся главный герой «Железный коготь» – у него был, в самом деле, протез в виде когтя. Лица его никто не видел. Позже «Железного когтя» великолепно имитировал Эдуард Багрицкий. Поднимал воротник пиджака, нахлобучивал козырек кепки на глаза и даже умудрялся изображать железную руку. Импровизировались кадры кино. Илья также играл отлично разные роли.

Новый, 1920-й год мы встречали у подруги Музы, девушки с профилем Луны. Нос и подбородок у нее сходились под странным углом, действительно напоминавшим рисунок луны в последнюю четверть, и, однако, все это было у нее гармонично и мило, включая черные, как смола, косы и странное имя Муня.

В отличие от солнечной Музы, она была, конечно, олицетворением ночи. Я чувствовал, что мое сердце начинает раздвигаться, так же, как и глаза, что было ничуть не удивительно, так как на столе было обильное угощение, включая изюмное вино собственного изготовления и самогон, результат ловкой обманной операции родных Муни. Как тогда пелось в известной песне «Свадьба Шнеерзона»: «...на столе стояло угощение, что стоит крупный капитал...». Там упоминалась и «...мамалыга с видом, точно кекс...». Все это было похоже. Молодежь, многочисленные гости и родственники уничтожали быстро все это великолепие, детали которого трудно упомнить; помню только, что к этому времени я различал именно только детали сидящих рядом, вроде пряди волос, прилипшей ко лбу, или одно стеклышко Илиного пенсне, но целое совершенно ускользало от меня.

Помню 12 часов, когда начались тосты, окна осветились странным заревом, сквозь открытую форточку послышалась дробь ружейных выстрелов, прерываемая раскатами взрывов ручных гранат «лимонок». Казалось, в городе началось мощное и внезапное восстание.

И тут же стало ясно. Это одесский гарнизон встречал новогоднюю ночь бешеной стрельбой. Мы вышли во двор, на галерею нашего одноэтажного дома. Весело щелкали винтовочные выстрелы и звонко ухали «лимонки». На дворе было пусто, в углу стояла

бочка с водой. «Только не надо делать резких движений, – говорил Иля, – а главное, не заглядывайте в бочку...»

Каюсь, я заглянул в бочку. На дне ее плавала голубая звезда. Расплата последовала быстро, мне стало плохо.

Вскоре после Нового года как-то утром пришел Иля и с некоторой таинственностью посвятил меня в планы создания кружка или ассоциации, поставившей задачу ни более ни менее как борьба с бездарностью, со всякой надудой посредственностью, пустозвонством и вычурностью. Кружок должен был, действуя тайно, выявлять и высмеивать бездарность во всех ее проявлениях. Основным оружием избирался смех. Однако нужна была эмблема для этого сообщества, нужно было имя. Мне предстояло изобразить этот символ. Иля предложил в виде эмблемы силуэт свиньи и тут же его нарисовал, как всегда, очень легко, одной линией, не отрывая руки от бумаги.

Я предложил для большей таинственности расчертить силуэт квадратами, получилась «Шахматная свинья». Это название осталось.

Основателями были Муза, ее подруга Муня, Илья Файнзильберг и я. Собирались привлечь еще несколько близких друзей. Была намечена первая жертва – некий молодой поэт. Ему был послан анонимный вызов на свидание. Свидание состоялось в одном из скверов. Незнакомкой был переодетый девушкой один молодой юноша, подходящий для этой роли. Он был снабжен шляпой с полями и вуалеткой, принадлежавшими Музе.



Илья Ильф, 1920 г.

Первое свидание прошло благополучно. Но на втором пылкий поэт довольно восторженно обнял незнакомку и – о, ужас – грудь, конечно, искусственная, стала грозить падением. Нашему доверенному пришлось спастись бегством от своего пылкого поклонника, он успел нас предупредить о грозящей катастрофе, и пришлось нам, поскольку мы были поблизости, выступить на сцену. Все кончилось общим весельем и смехом.



* * *

Так в Одессе начинался Илья Ильф, замечательная мемориальная доска которому работы Александра Князика украшает приземистый дом на Старопортофранковской, 137.

